

радуга

для друга

МИХАИЛ САМАРСКИЙ

РАДУГА ДЛЯ ДРУГА

10 ЛЕТ БЕСТСЕЛЛЕРУ О ТРИСОНЕ – САМОМ ВЕРНОМ НА СВЕТЕ ДРУГЕ

Читают во многих странах мира

Радуга для друга

Михаил Самарский

Радуга для друга

«Издательство АСТ»

2020

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Самарский М. А.

Радуга для друга / М. А. Самарский — «Издательство АСТ»,
2020 — (Радуга для друга)

ISBN 978-5-17-121925-3

Сашка потерял зрение в автокатастрофе. Теперь мир для него лишён красок и света, а сам он не может радоваться жизни: больше не поиграешь в футбол с друзьями, не пойдёшь на занятия в родную школу, не увидишь лица родных... Когда перед глазами лишь тёмное пятно, таким же тёмным кажется и будущее... Но однажды на помощь мальчику приходит лабрадор по кличке Трисон из школы собак-поводырей. Вместе с ним Сашка учится жить заново, и вскоре на его лице опять появляется улыбка. И всё бы ничего, но однажды Трисона... похищают. Верный пёс сделает всё возможное, чтобы вернуться к своему подопечному, ведь сейчас он нужен ему больше всего на свете!

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-121925-3

© Самарский М. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Самарский

Радуга для друга

Лучшее, что есть у человека, – это собака.
Т. Шарле

© Михаил Самарский, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Часть первая

Дорога к дому

Глава 1

Как собак нерезанных... Очень остроумное выражение. Ни сесть ни встать. Ай да молодцы. Ай да люди. Интересно, что бы вы сказали, введи мы в свою собачью речь подобный фразеологизм, но вывернутый наизнанку? Вот представьте такую ситуацию: приезжаю я домой с выставки, а соседский пёс у меня спрашивает: «Как успехи, дорогой? Много было собак?» А я ему отвечаю: «Да как людей нестреляных...» Вроде бы и не стреляных, а сердце холодеет. Ну и как вам выраженьице? Не думаю, что кому-то понравится. Вот так же и нам, дорогие наши двуногие друзья. Как тут не согласишься, что собака – это наглядный пример человеческой неблагодарности? Да ладно уж, я в общем-то о другом. Смотрите, что происходит: хватают меня за уши, треплют за шею, тыкают пальцами в морду... Можно я буду говорить «лицо»? Ну так вот, тыкают в лицо всякой гадостью... Впрочем, не буду кривить душой. Не гадостью, далеко не гадостью! Иногда такой вкусятиной, что слюной можно поперхнуться.

Однажды я чуть было не сорвался. Стоим ещё с моим первым подопечным, Иваном Савельевичем (царство ему небесное), перед пешеходным переходом, ждём, когда загорится зелёный свет. Моя задача: проследить, чтобы все машины остановились. Да не просто остановились, а в положенном месте. Вы думаете, зря для вас, людей, рисуют полосы перед светофором? Пользуясь случаем, прошу вас: товарищи водители, не заезжайте за эту стоп-линию. Зрячему человеку проще: он обогнул капот автомобиля, если тот всё-таки заехал, и пошёл дальше. А мой подопечный не сразу понимает, чего я от него хочу в такие моменты: вроде пошли по переходу, а тут поводырём отклонился от курса. Понимаете? Сказать-то я не могу, начинаю скулить, тянуть поводок, даже иногда гавкнуть приходится. Подопечный теряется, останавливается, пытаюсь сообразить, что это я такое вытворяю, тросточкой стук-стук-стук. Некоторые водители едва через окно не высказывают, орут: «Машину поцарапаешь, гад!» Какой же он гад? Ему же нужно как-то определить, какой предмет перед ним. Тут рукой не пощупаешь – можно и без руки остаться.

В общем, пока разберётся, светофор уже моргает, машины начинают порёвывать (к старту готовятся). Когда нетерпеливые водители давят на газ, это ещё полбеды. А есть такие идиоты, что ещё и сигналить начинают, дескать, давай-давай, слепошарый, проходи скорее. Или мне свистят и чмокают, типа подбадривают. Если бы вы знали, люди, как я в такие моменты вас недолюбливаю. Иногда смотришь на вас и думаешь: да как же вам не стыдно-то? Ведь такая беда может со всяким случиться. Неужели, выиграв пару секунд на этом проклятом светофоре, вы получите удовольствие? Очень вас прошу, люди: увидев слепого с поводырём (ну, с таким, как я), ведите себя как можно спокойнее и тише, не отвлекайте нас, не доводите до беды. Договорились?

Ну так вот, стоим перед зеброй, и тут я правой ноздрей чую умопомрачительный запах. Знакомый до боли в желудке – я уже слышал его, когда проходили мимо киоска с надписью: «Куры гриль. Шаурма». Стараясь не отвлекаться от дороги, кошу глазом и вижу смачный кусок курочки, поджаристый, золотистый, ароматный... До сих пор не знаю, как я в тот момент сдержался и не схватил этот деликатес. Всё-таки школа для собак многое значит.

Спасибо, конечно, вам за добро, за ласку, за желание угостить, но, люди, я же на работе! Понимаете? Я не та изнеженная болонка или пуделёк, которые беззаботно гуляют со своими хозяевами, от скуки побрызгивая на столбики. Серьёзно говорю: я работаю, а не просто иду со

слепым человеком. И поверьте, это не так уж и легко. Моя задача – довести подопечного туда, куда ему нужно, и чтобы во время пути он не разбил себе голову, не споткнулся, не упал, не промочил в луже ноги, в конце концов! Я обязан предупредить его обо всех преградах, должен успеть остановиться перед любым препятствием и дать возможность человеку проверить тростью, что перед ним. Если преграда перекрывает часть дороги, я отклоняюсь вправо или влево и обвожу подопечного, при этом наблюдаю, чтобы он не прошёл под низко склонившимися ветками или ещё какой другой штуковиной на уровне его роста, не столкнулся с другими людьми. Если мы передвигаемся на автобусе или трамвае, я указываю на вход, а потом – на выход. В общем, забот хватает.

Вы хоть представляете, что это такое – работать поводырём? Если скажете «да», не обижайтесь, я укушу вас. Не надо быть таким самонадеянным и скоропалительным. Чтобы представить и понять мою работу, нужно самому со шлейкой на спине пару лет походить за этими беспомощными «хозяевами». Вы заметили, что слово «хозяева» я беру в кавычки?

Да, некоторые считают себя нашими хозяевами, хотя сами без нас и шага не могут ступить. Вот захочу я (между прочим, породистый лабрадор, даже, говорят, родственник собаки одного известного политика), чтобы мой так называемый хозяин расшиб лоб о стену или, допустим, врезался в какой-нибудь столб, да мне это как на куст... пос-с-с мотреть. Но я же профи, меня в специальной школе обучали два года, а это по вашему примерно лет десять. Вы за это время успеваете два высших образования получить. Конечно, я не позволю себе такой гнусности – подставить подопечного. Моя задача: уберечь его от всех этих недоразумений. Но обидно, когда говорят «твой хозяин». Те, кого я сопровождаю, не хозяева мне. Это мои друзья. И поверьте, даже из вас, людей, у них никогда не будет друга преданнее и надёжнее, чем я. Вы можете скривиться, усмехнуться, закатить глаза, даже пнуть меня ботинком, но от этого ничего не изменится. Вы сами придумали поговорку: «Хорошо, когда собака – друг человека, но плохо, когда друг – собака». Придумали, но не подумали, хотя бог наградил вас разумом и способностью размышлять. Что же плохого в том, что ваш друг собака? Да ладно... Я же понимаю, что вы имели в виду. Потому и не обижаюсь.

В общем, если вам интересна эта история, я продолжу.

Мне уже пять лет. По человеческим меркам я в два раза старше своего подопечного (Сашке сейчас тринадцать). А раньше я работал у слепого пенсионера. Иван Савельевич был замечательным человеком и моим другом. Иногда он даже разрешал мне на своей кровати поваляться. Придём домой, Иван Савельевич снимет с меня все эти поводырские прикамбасы, покормит, расчешет и говорит:

– Давай, Трисон, расслабляйся.

Вы думаете, мне легко ходить со шлейкой? Вечером, когда я от неё избавляюсь, так хочется на спинке поваляться, лапы задрать к потолку, вытянуться во весь рост, потом попрыгать, мячик погонять. Иван Савельевич никогда меня не ругал, даже в тот злополучный вечер, когда я разбил вазу. Понимал старик, что не нарочно. Мне было стыдно. Прижался к его ноге и потихонечку скулил. Иван Савельевич погладил меня и сказал:

– Не плачь, Трисон, бог с ней, с этой посудиною. Посуда бьётся – жди удач.

Я до сих пор так и не понял, какая удача может быть от разбитой вазы? Не слышал, чтобы по телевизору об этом рассказывали. В общем, умер мой Иван Савельевич. А меня вернули в школу. Как я по нему скучал. Кусок в горло не лез. Всё думал, кому же меня теперь отдадут...

Не знаю, какими судьбами, но как-то в нашу школу приехал Сашка, нынешний мой хоз... подопечный.

Если вы зрячий и никогда не сталкивались с проблемами слепых людей, то поясню специально для вас. Прежде чем нас (собак-поводырей) передать новому хо... (тьфу, чёрт, надо же, как внушили своими дрессировками) подопечному, мы должны провести какое-то время вместе. То есть привыкнуть друг к другу, принюхаться, приглядеться. Хотя кто будет ко мне

приглядываться, если они все слепые? Это я должен делать. А они только прислушиваются, принюхиваются, ну и ещё прищупываются. На всякий случай, чтобы аллергии не было какой-нибудь или другой какой гадости. У людей много всяких заскоков. Это мы неприхотливые.

Хотя случается, что и мы тоже взбрыкиваем. Да-да. Наша овчарка Лада из седьмого вольера так и не смогла найти общий язык со своей новой подопечной. Женщина вернула Ладу обратно в школу. Кстати, отличная школа поводырей. Так что, если понадобится, обращайтесь. Меня, конечно, там уже нет, но мои друзья и подруги вас, поверьте, не подведут. Знаете, как нас там проверяют? Ого-го! Тесты всякие, испытания...

Иными словами, кого попало туда не берут. Мы – студенты этого университета – все обладаем уравновешенной психикой, не отвлекаемся (во всяком случае, стараемся изо всех сил) на шум, совершенно не замечаем этих отвратительных котов и кошек. Нет, замечаем, конечно (как можно не заметить?), но внимания не обращаем. Опять неправильно. Мы не имеем права на них реагировать, чем эти зеленоглазые негодяи часто пользуются. Серьёзно.

Вот вам недавний случай. Завожу я своего Сашку в подъезд (там много ступенек, и нужно быть крайне осторожным), а в этот момент из двери выходит краля персидских кровей (или шерстей, кому как угодно), вся такая пафосная, с идиотским розовым бантом на шее, коготочки пострижены, хвостик надушен, ушки словно маленькие локаторы (верть-верть в разные стороны). Вот клянусь вам собачьей честью, у меня и в мыслях не было на неё рычать, тем более гавкать. А эта белобрысая дура как фыркнет, как хвост свой распушит, как спину выгнет, и – хрясь! – меня лапой по мор... по лицу. Если бы вы знали, как мне было обидно! Да если бы не Шурик, мой профессионализм и не моя ответственность, я бы этой истеричке одним щелчком хвост перекусил. Честное слово, от обиды чуть не заплакал. Даже немного заскулил – эта доморощенная «баронесса», несмотря на остриженные когти, всё-таки умудрилась поцарапать мне нос. Слизнул я солоноватую каплю крови и повёл Саню домой. А что делать? Нельзя мне на этих дурочек отвлекаться...

Сашка до моего прихода жил с мамой и бабушкой. Папа у них погиб в автокатастрофе. Оказывается, в тот роковой день вместе с ним ехал и Шурик. Ему тогда было одиннадцать лет. Врачи вынесли приговор: радужка и хрусталик безвозвратно потеряны. Я мало чего понимаю во всех этих тонкостях, но после трагедии парень перестал видеть. В семье поговаривают, что есть какой-то знаменитый доктор, который может вернуть Сашке зрение, но, когда это произойдёт, никому не известно. А пока что я его и доктор, и глаза, и друг.

Глава 2

С Санькой мы быстро нашли общий язык. Хотя сначала я на него обижался. Совсем немножко. Сами посудите. Как вы уже поняли, меня зовут Трисон. Когда мы в школе вместе с ним дрессировались, он так меня и называл. Всё было нормально. Сашка успешно сдал экзамен. А чему удивляться? Со мной любой новичок справится. Я же не только выполняю команды подопечного, частенько приходится и инициативу проявлять. В пределах разумного, конечно.

В общем, всё прошло гладко. Приезжаем домой (вместе с Сашкиной мамой), а там бабушка, Елизавета Максимовна. Тоже встретила нас приветливо. Имя её я, кстати, узнал совершенно случайно – сосед приходил и так называл бабулю. Да, кстати, дома её почему-то все называют бабулей. Я заметил, у людей есть подобные странности. Сашка-то понятное дело, но и Светлана Сергеевна туда же. А я думаю, какая же она тебе бабуля, если это твоя мама? Вас, людей, иногда сложно понять. Ну да ладно, это неважно.

Так вот, я – Трисон. Вы хоть знаете, что это за имя? О-о! Это вам не Тузик какой-нибудь пятнистый и не Рекс косолапый. Иван Савельевич мне подробно рассказывал о моём имени. Мало того что я и сам породистый пёс, так вдобавок ко всему и имя у меня не простое. Так звали тибетского царя – Трисонг Децэн, – который много-много лет назад пришёл к выводу, что просветления можно достигнуть только после морального и духовного совершенствования под руководством мастера. Без всякого бахвальства заявляю: мастер у меня в школе был безупречный. Вы поняли, к чему я клоню? Нешуточное дело – просветлённый лабрадор!

И вдруг ни с того ни с сего Санёк начал называть меня Тришей. Я сначала даже не понял, к кому это он обращается. Проснулся рано утром и шарит рукой возле кровати, меня ищет. Но я же не дурак, под ногами лежать. Разместился у торца кровати, чтобы случайно Сашка на меня ночью не наступил. Я привстал, авкнул тихонько, давая понять, что я здесь. Слышу, а он говорит:

– Три... Триша, ты где? Подойди ко мне, пожалуйста.

Я сижу и думаю: может, игрушку какую ищет? Поглядел по сторонам, ничего похожего не вижу. Медведь плюшевый сидит в углу. Так Сашка сам вчера рассказывал, что его Топтыгиным зовут. Где этот чёртов Триша? Ничего понять не могу. Сашка посидел-посидел на краешке постели и говорит:

– Трисон!

Это уже меня. Подбегаю к нему, тыкаюсь носом в колени. Он гладит меня и снова говорит:

– Тришенька, миленький, ну как тебе спалось на новом месте?

Вон оно что. Оказывается, Сашка меня Тришей называет. Вот это номер! Какой же я тебе Триша? Ты что, Санёк? Но самое обидное, что я ничего сделать с этим не могу. С тех пор и хожу в этих Тришах. Вслед за Санькой Светлана Сергеевна и Елизавета Максимовна кличут меня теперь только так. Сначала я места себе не находил. Как скажут «Триша», у меня аж шерсть дыбом встаёт, такое имя потерять. Был царём, стал какой-то плюшевой собакой.

Вы бы видели меня. Я не просто какой-то там палевый или жёлтый пёс, а золотой. Не верите? Внимательно посмотрите на меня в яркий солнечный день, особенно после того, как я выхожу из душа. Такой красоты ни у одной собаки не найдёте. Да вы бы лопнули от гордости, будь у вас такая родословная, как у меня. Мои предки – собаки викингов и басков, которые обитали на острове Ньюфаундленд. До XVIII века европейцы в глаза не видели никаких лабрадоров. Мы, между прочим, по мнению моряков, всегда считались и считаемся до сих пор залогом счастливого плавания. И если вы думаете, что это заурядное суеверие, то глубоко заблуждаетесь. Мои предки всегда помогали людям. Например, могли помочь тонущим моря-

кам, вытягивая на берег канат, по которому те перебирались, а самых нерасторопных просто перевозили на себе.

Отправляясь в плавание, ньюфаундлендские моряки всегда брали с собой пару собак. Моей породы, конечно. И какие у них были имена! Волна и Прибой! Вы хоть понимаете, что это значит? Волна. Прибой. А тут какой-то занюханный Тришка. Ну как же обидно! Хотя я уже давно смирился. Чёрт с вами, называйте как хотите.

Однажды какой-то знакомый старичок Ивана Савельевича неправильно по отчеству назвал: то ли Савичем, то ли Степановичем. Я бы подсказал старику, да сами понимаете... Но, смотрю, Иван Савельевич и ухом не ведёт. А тот всё называет и называет. И вдруг сам опомнился. Как запричитает:

– Ой, Иван Савельевич, прости, дорогой, – хлоп себя по лбу, – совсем память отшибло!

– Да ничего-ничего, Тимофей Иваныч, – говорит мой подопечный, – какая уж теперь разница. Хоть горшком называй, только в печь не сажай.

Вспомнил я своего старинного друга и перестал на Сашку обижаться. Тришка так Тришка.

Если вам интересно, поясню вкратце, откуда появилось название нашей породы. Иван Савельевич рассказывал, что существует три версии. Первая: название произошло от острова Лабрадор, который находится недалеко от нашей прародины. Вторая (мне эта больше всех нравится): от португальского слова Labrador, что переводится как «труженик». Третья версия какая-то несуразная, но раз уж обещал рассказать, рассказываю: есть минерал чёрного цвета с синеватым отливом, так и называется – лабрадор. Почему мне не нравится эта версия? Потому что только мои предки имели чёрный окрас. А сейчас среди моих собратьев есть и палевые, как я, и даже шоколадные. Нет: никаких минералов или островов. Конечно, наша порода произошла от португальского слова. Труженик – он и в Африке труженик, как говорит мой Сашка.

В России мы появились только в конце 1960-х годов. Иван Савельевич однажды рассказывал кому-то из гостей, что президент США Картер подарил лабрадора Брежневу, а канадский писатель Моуэт – Косыгину. Были такие государственные деятели в СССР. Первое время мы жили только в Москве и Риге. А сейчас моих собратьев можно встретить в любом регионе. Сам я родился в России. И, хотя в США и Англии лабрадоры являются одной из самых популярных пород, я хочу жить здесь, трудиться и помогать людям.

Теперь поняли, что мы испокон веков помогаем вам? Наша порода умеет ладить с людьми. Поверьте, мы очень сообразительные и у нас мирный нрав. Самые главные наши качества – это доброжелательность и стремление помочь человеку. Хотя если вы дочитаете эту историю до конца, поймёте: иногда приходится забывать про свой природный нрав. Но, как говорится, у каждого правила есть исключения. Впрочем, если бы не было людей, о которых я расскажу вам чуть позже, нам бы эти исключения не понадобились. Честное собачье слово. Честное слово лабрадора!

Глава 3

Слышал, как мама говорила с бабулей.

– Сашка даже повеселел, оживился, – говорит мама. – С собакой ему будет полегче.

– Да, главное, чтобы Шурку не обидел, – отвечает бабушка. – Всё-таки собака – это зверь. У меня от таких слов аж уши приподнялись.

Нет, ну надо такое ляпнуть? Чтобы не обидел. Зверь. Тоже мне – нашла зверя! Волк я, что ли, тебе дикий или кабан раненый? Хоть бы думала, что говоришь. А ещё Иван Савельевич утверждал, что старики мудрые. Услышал бы он твои слова, бабушка Лиза. Эх, не был бы я поводырём, непременно сварганил бы тебе какую-нибудь пакость, Елизавета Максимовна. Всё-таки не зря говорил мой бывший подопечный, что у собак лишь один недостаток – они верят людям. Мы-то верим, а вот вы нам нет. Не все, конечно, но вот находятся такие бабульки. Хорошо, хоть Светлана Сергеевна тут же заступилась за меня:

– Ты что, мама, – усмехается она, – эти собаки очень миролюбивые, доброжелательные. Это же не дворняга какая-то. Обученная собака.

Спасибо тебе, Светлана Сергеевна, хоть ты понимаешь, кто я такой. Хорошая у Сашки мама.

– Ну ладно, – говорит бабулька, – поживём – увидим.

Конечно, увидите. Потом ещё ревновать будете. Сашка всё равно больше всех будет любить меня. Вы бы видели, как Иван Савельевич надо мной плакал, когда я чуть было под электричку не угодил. Как вспомню тот случай, у меня мурашки по телу начинают бегать, словно блох нахватался.

Поехали мы, значит, с моим стариком к его другу в Салтыковку. На электричке было удобнее всего. Кстати, если проехать по этой ветке ещё несколько остановок в сторону области, там находится моя школа. Приехали, посидели с таким же дедком, правда, он зрячий, ну и домой. Даже не знаю, как нам, собакам, после этого происшествия относиться к людям, но я не злопамятный. Конечно, всё равно от своей профессии не откажусь. В общем, стоим мы на перроне, народу как на стадионе, и каждый будто приготовился стометровку бежать. Подходит электричка, толпа как ринется к дверям, я думал, они нас раздавят. Иван Савельевич растерялся, ничего не поймёт в этой толпе, а меня и след простыл. Только не подумайте, что я испугался и куда-то рванул. Нет, просто меня столкнули с платформы, и я оказался между вагоном и перроном. Вишу на поводке и думаю: бедный ты мой Иван Савельевич, вот и конец мой настал, как же ты, родной мой человек, без меня домой поедешь, как с вокзала до квартиры будешь добираться?

Я, между прочим, всегда веду своего подопечного к первому вагону, чтобы быть поближе к машинисту. Вдруг какая заварушка, хоть поезд не рванёт галопом по Европам (это так Иван Савельевич любил мне говорить, когда я начинал торопиться). Слышу, кричит мой старик машинисту, чтобы не отъезжал от перрона, и тянет меня вверх. Вы хоть знаете, сколько я вешу? Это вам не карася из речки вытаскивать. Кстати, напомним, я потом расскажу, как мы с Иваном Савельевичем рыбачили. Тянет меня старик, а сам кряхтит – силёнок-то уже маловато. Хорошо, какой-то прохожий помог ему. Меня же вытаскивать – то же самое что душить. Вытянули меня, а я света белого не вижу. В глазах потемнело, и я отключился.

Очнулся – чувствую, что-то капает мне на нос. Открываю глаза, смотрю – Иван Савельевич сидит и плачет надо мной, а рядом какая-то маленькая девочка, совсем крошечная, что-то лопочет. Я ничего не слышу, только вижу, как она губами шевелит и пальчиком в носу ковыряется. Вслед за зрением возвращается и мой слух. Слышу, девочка спрашивает: «Дедушка, почему вы плачете, у вас собачка умерла?» А Иван Савельевич как зарыдает, словно и впрямь

уже похоронил меня. Нагнулся ещё ниже, целует меня, гладит. А я, вот честное слово, не могу даже лапой пошевелить, видимо, здорово мне досталось.

Наконец-то стал отходить, собрался с силами и – лизь! – своего спасителя в лицо, он аж подпрыгнул. Так смешно получилось. Представьте человека, который подпрыгнул на корточках, – вылитый индюк. Когда до Ивана Савельевича дошло, что я жив, он как вскочит и давай меня на руки поднимать, от радости чуть не уронил. Да куда ж ты, Иван Савельевич, такую тушу поднимаешь. А он всё-таки поднял меня (и откуда только силы взялись?), уткнулся лицом мне в живот и спрашивает: «Ты жив, Трисончик, жив?» А что я отвечу? Пришлось гавкнуть. Услышав, он чуть ли не пританцовывать со мной на руках начал. «Да поставь ты меня на место, – думаю, – ещё не хватало, чтобы ты сам свалился с этого дурацкого перрона. Как я тебя потом буду вытаскивать?» Чтобы подбодрить весельчака, я запел: «У-уо-уо-уо!» Тогда Иван Савельевич понял, что пора спускать меня на землю. Посидели мы с ним прямо на перроне минут десять, я полностью оклемался, дёргаю поводок, мол, пошли, хватит расслаиваться. Домой добрались благополучно, если не считать случая в аптеке.

Вы же понимаете, после такого происшествия и самый здоровый человек в аптеку побегит. Иван Савельевич командует, дескать, веди. Этот маршрут мне очень хорошо знаком. Не считите меня за хвастуна, но я знаю более тридцати маршрутов в нашем микрорайоне. Аптека так аптека. Мне какая разница: куда скажут, туда и веду. Приходим. Только вошли – какая-то пышногрудая женщина как завизжит:

– Куда вы с собакой прётесь? Здесь же медицинское учреждение!

Миллион раз мы с Савельевичем заходили в это учреждение, и никогда не возникало никаких недоразумений. А тут эта толстушка, впервые её вижу.

– Нам можно, – спокойно отвечает Иван Савельевич и направляется к окошку.

Эта беспокойная дама (не по весу прыткая оказалась) преграждает нам путь, я еле успел между ней и стариком втиснуться. Это же моя первейшая обязанность. Иван Савельевич остановился в недоумении. Он-то знает, что тут не должно быть никаких преград. Ну и тросточкой своей проверяет, что нам помешало. А женщина снова шумит:

– Ну куда вы своей палкой тычете? Я же сказала, с собакой сюда нельзя. Немедленно выведите её на улицу.

И стоит как памятник. Брови насупила, губу выпятила, подбоченилась, глаза как у лягушки, лицо красное. Такое впечатление, что мы не за лекарством сюда пришли, а ограбить её. Откуда у людей столько ненависти? Я прямо спиной почувствовал, что от неё какие-то волны исходят. Ну, те, которых собаки пугаются. Есть такой специальный приборчик для отпугивания бродячих псов. Человек кнопочку на нём нажимает, а для собаки это как палкой промеж ушей. Некоторые инструкторы такие приборы используют во время дрессировки. Сволочи. Я таким «воспитателям» руки бы откусывал. К чему я это говорю? Стоящая передо мной махина-аптекарьша превратилась в такой прибор. Представляете, каково мне в тот момент было? Стою, а воображаемая палка по темечку меня тук-тук-тук! А вы говорите: смотрите-смотрите, слепой с собакой гуляет. Это вы в своих офисах гуляете, а мы каждый день из квартиры как на фронт уходим.

– Уважаемая, – говорит Иван Савельевич, – вы, видимо, здесь новенькая?

– Какая разница, – пыхтит аптекарша, – новенькая, старенькая ли! Вам ясно сказано, с животными в аптеку вход запрещён. У нас инструкция.

– Почитайте свою инструкцию повнимательнее, – говорит Иван Савельевич по-прежнему спокойно, но, чую, голос уже меняется. Дура, думаю, лучше отойди, сейчас тебе мой старик такую инструкцию прочитает, что ты до утра будешь с ней разбираться.

Кстати, если бы эта настырная аптекарша хотя бы раз услышала, какие слова мой подопечный знает, она бы так не рисковала. Серьёзно. Иван Савельевич мужик мирный, но если

его довести, можно такое услышать... Ой-ой-ой! Я таких слов даже в школе не слышал, хотя инструкторы нас не стеснялись.

И тут случилось чудо. Появляется вторая женщина, наша старая знакомая.

– О! Трисон! – говорит мне радостно. – Проходи-проходи. – И, обращаясь к коллеге, добавляет: – Тамара, пропусти их...

– Так вы же сами говорили, Полина Семёновна...

– Тамара, с собакой-поводырем можно входить в любое заведение, в том числе и в аптеку.

День завершился хорошо, можно даже сказать отлично. Вечером Иван Савельевич откупил для меня банку с куриной тушёнкой (хотя это моё праздничное блюдо), поздравил меня почему-то с днём рождения, и мы вместе поужинали. Пару раз старик ронял вилку на пол, но я был начеку – тут же подавал её обратно.

Вообще он был ужасной растеряхой. То трость уронит, то очки, то ключи потеряет. С «громыхучими» предметами проще – их не прозеваешь. А вот с перчатками беда. Пока я за машиной или пешеходом наблюдаю, мой растяпа раз – и перчатки уронит. Как жалко, что я не умею говорить. Ему бы к ним что-нибудь пришить (колокольчик, к примеру), чтобы я слышал, когда они падают. А в последний год ещё одна вещь прибавилась – мобильник. Хорошо хоть, люди добрые подсказали, мы его в специальный чехольчик засунули. Его и снимать не нужно, прямо через прозрачную плёнку можно номер набирать. Смешно было наблюдать, как Иван Савельевич это делал. Остановится посреди тротуара, голову задерёт вверх, словно на небо смотрит, рот раскроет (я первый раз, когда увидел, думал, сейчас запоёт) и тычет пальцами в кнопки. Иногда приложит трубку к уху и вдруг резко отрывает, снова на кнопки начинает давить. Думаю, прикалывается, что ли? Только потом понял: номером ошибся и перенабирает.

Однажды говорит мне: «Эх, Трисон-Трисон, и почему ты номер не умеешь набирать?» Если бы я умел говорить, то ответил бы: «Вам, Иван Савельевич, дай волю, так вы бы меня и за руль автомобиля усадили». Или ещё покруче пошутил бы: «А вы, Иван Савельевич, жалобу в мою школу напишите, что вам такую тупую собаку сосватали». Вы же понимаете, что это мы так с ним шутили. И никогда по-настоящему друг на друга не злились. Любили друг друга и всё прощали.

Что-то я ударился в воспоминания. Бабушка во всём виновата. Видите, я даже ужинал вместе с Иваном Савельевичем, а она сомневается. Чтобы не обидел. Зверь. И чего я так разбубнился. Пожилая женщина, что с неё взять. Да и мало ещё меня знает. Действительно, поживём – увидим. И я на вас посмотрю, Елизавета Максимовна, и вы на меня. Хотя что мне на вас смотреть, мне за Сашкой нужно присматривать, а вы с мамой думайте что хотите...

Глава 4

Одно радует меня: теперь в нашей семье равновесие. В смысле две женщины и двое мужчин. Вовремя я сюда приехал. Они хоть и хорошие, добрые и заботливые, но мне кажется, если бы не я, загрызли бы парня. Ясное дело, жалко мальчишку. Слепых всегда жалче других. Беспомощные они, особенно дети. Некоторые взрослые даже на чужих слепых детей без слёз не могут смотреть. Конечно, большинство рады помочь инвалиду. И спасибо им за это огромное. Но, как говорил Иван Савельевич, тут фишка в другом. Понимаете, в чём дело: слепым людям не хочется зависеть от посторонней помощи. Серьёзно. И не из-за того, что они такие неблагодарные. Нет. Просто эта беспрестанная опека иногда утомляет и даже угнетает. Им хочется крикнуть на весь мир: «Смотрите, друзья, мы спокойно обходимся без вашей помощи, мы не мешаем вам жить, снимите груз с плеч, займитесь своими делами!»

И я их понимаю. Правильно кто-то сказал: глаза у них мёртвые, да сердца живые.

Только вот одного не могу понять. Сегодня в России проживают около трёхсот тысяч инвалидов по зрению¹. А собак-поводырей всего одна тысяча. Иван Савельевич говорил: получается, одна собака на триста слепых. Это же непорядок. Это очень плохо. Есть страны, где одна собака-поводырь приходится на десять – двенадцать инвалидов. Чувствуете разницу? Это сколько ж людей мучается без нашей помощи? Уму непостижимо.

А вы знаете, что учудили японцы? И смех и грех. Они решили обучать собак-поводырей в тюрьме. Серьёзно говорю. Теперь у щенков учителя – заключённые. Совсем с ума посходили. Как они до этого додумались? Нет, ну вы представьте: берут двухмесячного щенка и ни за что ни про что бац – и в тюрьму. Прям издевательство какое-то. Бедные мои японские соплеменники. Целый год собачий ребёнок живёт вместе с заключёнными. Правда, они там за ним ухаживают, кормят, в общем, не обижают. Потом, когда собаке исполняется год, её начинает дрессировать опытный инструктор. Не знаю, может, я зря возмущаюсь. Какая разница, где до года жить, в питомнике или тюрьме. Главное, чтобы условия были хорошими. Да и среди людей, наверное, повеселее. Заключённые ведь тоже люди. Нет, точно, зря я возмущился. Японцы неглупые, знают, что делают.

Недавно с Сашкой отдыхали в парке. Его мама с бабушкой мне уже доверяют. Теперь вдвоём ходим в парк. А раньше словно под конвоем. Я веду Саньку, а сзади мама или бабушка. Тоже мне помощницы. Маршрут-то простой. Я быстро его запомнил. Можно сказать, лёгкая прогулка. Санька уже привык к трости. Знаете, первое время никак не могли его убедить ходить с ней. Спротивлялся ужасно. Две штуки нарочно сломал. Дети почти все так реагируют.

– Зачем мне трость, – говорит, – если Тришка есть?

Глупый. Я-то не подведу: и остановлю вовремя, и отведу в сторонку. Но как же без трости-то? Трость слепому обязательно нужна. Дуга шлейки – это только мои предупреждения и сигналы. Но иногда он сам должен исследовать препятствие.

– Саша, – строго отвечала мама, – ты проходил обучение в Тришкиной школе. Что тебе сказали? Трость необходима. Вот и выполняй советы опытных учителей.

Права, права мама. Только со школой загнула. Никакая она не Тришкина. В общем, постепенно вопрос с тростью урегулировался. Сашка, как и Иван Савельевич, любит со мной поговорить. Только у нас с ним темы другие. Он очень быстро освоил шрифт Брайля. Знаете, что это такое? Выпуклые точки на листке бумаги. Слепой читает пальцами. Сашка недавно прочитал, как этот самый шрифт изобрели. Жуть как было интересно слушать. Вообще, я заме-

¹ Информация, актуальная на время выхода первой книги. Сейчас, по некоторым данным, в России проживает чуть более двухсот тысяч инвалидов по зрению. – *Примеч. ред.*

тил, Шурик очень хороший рассказчик. Когда он рассказывает, я замираю и, вывалив язык, слушаю одним ухом. Да-да, одним, потому как второе в это время на работе.

Так вот, оказывается, ещё французский король Луи IX, вернувшись в Париж после поражения в крестовых походах, основал приют для слепых «Пятнадцать очков». Странное какое-то название. Но не в нём дело, а в том, что именно там поселились триста рыцарей, ослеплённых во время походов. После этого люди осознали: слепым нужна помощь.

Затем, в 1771 году, некто по имени Валентин Хауи на парижской ярмарке подал одному слепому мальчику милостыню и очень удивился, когда тот сразу же назвал номинал монеты, но благодаря этому случаю догадался: слепые могут использовать осязание, чтобы читать. Позже Хауи открыл школу для слепых, и первым её учеником стал нищий мальчик по имени Франсуа Лезюер. Валентин учил его читать при помощи рельефных деревянных букв, из которых складывались слова. Франсуа оказался очень талантливым учеником и уже через шесть месяцев научился осязать напечатанные страницы, а позже это его умение ошеломило учёных. После этого появился рельефно-линейный шрифт. Люди водили пальцами по выпуклым буквам и складывали их в слова.

В России первая библиотека для слепых появилась в 1806 году, после того как Хауи приехал к нам по приглашению Александра I и основал Петербургский институт слепых детей.

Последователи Хауи сделали очень много полезного для слепых, но прогресс не стоял на месте и впоследствии шрифт для слепых совершенствовался многими учёными.

Будущий изобретатель современного шрифта Луи Брайль в детстве лишился зрения, случайно поранив глаз шорным ножом, после чего его зачислили в Парижскую школу для слепых, где обучение проводилось как раз по системе Хауи. Книжки были большими и дорогими, поэтому в школе их было всего четырнадцать. Луи успешно проштудировал все, и система Хауи показалась ему несовершенной: чтобы прочувствовать каждую букву, требовалось несколько секунд. Чтение превращалось в тяжёлое и мучительное занятие. Вот тогда-то Луи и понял: необходимо искать способ, который позволит читать легко и, главное, быстро.

За основу Брайль взял буквенный код, который французская армия использовала в те времена для доставки ночных сообщений – буквы представляли собой пробитые в картонке отверстия. Писать сообщения на обычной бумаге было нельзя, ведь, чтобы прочитать их, пришлось бы зажигать свечу. Хочешь не хочешь, а демаскируешься. Луи Брайль, овладев этим методом и убедившись, что и он ещё далёк от совершенства, в конце концов создал систему рельефно-точечного письма, которая позволяла быстро и надёжно распознавать каждую букву.

Удивительно, но в 1829 году Совет института, которому Брайль предложил свою систему, отверг её. А знаете из-за чего? Только потому, что разработанный шрифт был неудобен для зрячих преподавателей. Во дают! Нет чтобы подумать об удобстве инвалидов, они подумали о своём. Но Брайль оказался мужиком настойчивым и самостоятельно внедрил свой шрифт. У слепых его система пользовалась всё большей и большей популярностью, и через восемь лет Совет снова взял её на рассмотрение. В этот раз Брайль добился своего, получив поддержку от учёных мужей. И по сей день во всём мире считается, что система письменности, разработанная Брайлем для слепых, самая лучшая. В России первую книгу по системе Брайля издали в 1885 году. Кто не знает, в январе 2009 года исполнилось двести лет со дня рождения великого слепого изобретателя.

Догадайтесь, что есть у моего Сашки? Не поверите. Специальный дисплей, на котором в ряд расположены ячейки Брайля. Текст преобразуется в сигналы, некоторые стержни в ячейках выдвигаются, и мой подопечный шуршит пальцами. Читает-читает-читает... Потом рассказывает мне. Ну а я уже вам. Интересно? Мне тоже. Говорят, скоро буквы Брайля заставят «бежать» по монитору, тогда слепым будет ещё удобнее читать. Хорошо хоть, современные учёные не слишком рьяно пекутся о своих удобствах.

Заслушался я так, что едва бдительность не потерял. А между тем к нам на лавочку села слепая женщина. У неё свой поводырь, вернее, если можно так выразиться, поводырша. Зовут Марго. Ишь ты! Тоже мне, королева. Приятная такая собачка. Правда, не моей породы, какая-то лохматая, у нас таких в школе не было. Но красивая, бело-рыжая, остроносая, глаза яркие и блестящие. Гордая до ужаса. Видит же, что мы коллеги, а нос воротит. Делает вид, что не замечает меня. Да и чёрт с тобой. Подумаешь. Хотя, нужно отдать ей должное, профессионал. Видимо, тоже школу прошла неплохую. Вы, наверное, думаете, как это я сразу распознал? Всё очень просто. Мимо нас прошла ватага пацанов: один присвистнул, другой причмокнул, какая-то девчонка даже остановилась и давай гундосить: «Ах, какие лапочки, какие миленькие!» Погладить, правда, не решилась, но надоела до чёртиков. Стоит, верещит и верещит. Так вот Марго даже ухом не повела. Сидит как вкопанная. Ни на что внимания не обращает.

Компания ушла. Следом за ней идёт, видимо, супружеская пара. Дама в какой-то не по годам легкомысленной шляпе и мужчина с тростью, но зрячий. Так, наверное, для форсу её прихватил, даже не прихрамывает. На поводке у них плетётся французский бульдог. Ленивый толстячок-круглячок. Честно говоря, мне не очень нравится эта порода. Вот уж природа придумала! Чудо-юдо какое-то. Будь у меня такая морда, утопился бы в первой же речке. Холёный, шерсть лоснится, идёт вперевалячку, сразу видно: любит вкусно поесть да подольше поспать. Не понимаю, для чего люди заводят вот таких, с позволения сказать, собачек? Ну вот скажите, какой от него прок? Видели французского бульдога? Никакой пользы. Только одни заботы да расходы. Вы посмотрите, у него же один ошейник стоит больше, чем у моего Сашки – брайлевский монитор. Бульдожик, поравнявшись с нами, натянул хозяйский поводок. Он, дурак, наверное, и не знает, что это означает на нашем с Марго языке. Хотя, к моему удивлению, парочка остановилась. Мы тоже так своих подопечных иногда останавливаем. Бывает, знаете, нужда припрёт. Но тут остановка случилась совершенно по другому поводу. Этот прохиндей вытаращил свои и без того выпученные глаза и смотрит на нас подозрительно – то на меня, то на Марго. Мы, как и положено, делаем вид, что его не видим и что нам с ним не по пути. Тут дама в шляпе говорит:

– Пузик, ты чего встал? Познакомиться хочешь?

Нет, вы слышали? У этого собачьего поросёнка и кличка соответствующая – Пузик. С ума можно сойти. И как не стыдно с таким име... с такой кличкой по улице ходить? Действительно, пузик. Познакомиться! Делать мне больше нечего! Идите уже своей дорогой. Не мешайте. Видите, люди отдыхают, а мы на работе. «Двигай-двигай, Пузик, – мысленно говорю я ему. – Здесь ты товарищей не найдёшь». Он, словно услышав мои мысли, что-то тявкнул невнятное и побежал дальше, виляя своей толстой задницей.

Марго и тут повела себя очень достойно. Молодец. Настоящий поводырь. Зря я вначале обозвал её поводыршей. Но, по правде говоря, я всё равно недолюбливаю собак-девчонок. А всё из-за того, что кто-то распространяет о нас, мальчиках, гнусную ложь. Дескать, поводырь-девочка лучше, чем кобель. Это клевета! Не верьте! Это ж надо такое придумать. Мол, девочки более ласковы и послушны, а мы отвлекаемся на... Тьфу! Язык не поворачивается говорить об этом. Я отвлекаюсь? Я не ласковый и не послушный? Ну зачем возводить такую напраслину? Сочиняют всякую ерунду. Все эти мерзости я собственными ушами слышал. Приехала к нам одна парочка, кому-то собаку выбирали. Ходят мимо вольеров, а дамочка стрекочет:

– Только кобельков нам не предлагайте, нам – девочку.

– Почему? – спрашивает наш инструктор, дядя Миша.

– Мне сказали, что девочки более покладисты и ласковы...

А мы слушаем этот бред и недоумеваем. Кто тебе сказал? Вот глупая женщина. Возомнила себя кинологом. Так что, друзья, послушайте меня. Если вам понадобится поводырь (не дай бог, конечно), выбирайте кобеля. Мы не только послушные и ласковые, но ещё и ловкие и

сильные. А это в нашей работе, между прочим, имеет большое значение. Ну, если уж не будет выбора, тогда ничего не поделаешь – берите даму.

Сашка, устав сидеть на скамейке, приподнялся. Я тут же встал рядом с ним, подставляю дужку шлейки ему под руку.

– Триша, идём домой, – сказал он.

Я ещё раз мельком взглянул на соседку и слегка кивнул ей на прощание (хотя зря, наверное). Мне показалось, она ответила. Видимо, поняла, что я тоже профессионал.

Через двадцать минут мы с Санькой были уже дома. Нас обоих ждал вкуснейший обед. В хорошую семью я попал. Нравится мне здесь, но по Ивану Савельевичу всё равно скучаю.

Глава 5

Мы с Сашкой договорились: когда он мне задаёт вопрос, а я на него отвечаю «Ав!» – это значит «да», а если «У-у!», то «нет». Молодец, Саня! Хотя ему всего тринадцать лет, он очень сообразительный парень. Да, я не оговорился. Ну какой он мальчик? Видели бы вы его. Бабулька ему по плечо. Как-то и неудобно уже мальчиком называть. Настоящий парень. И что мне нравится, такой умный. Правда, слишком шустрый. Работы у меня, по правде говоря, прибавилось.

В этом смысле с Иваном Савельевичем было попроще. Он был тихоходом. Идёт себе, песенку напевает. У него была любимая песня про танкистов. Честное слово, мог весь вечер её петь. Как затянет «Три танкиста, три весёлых друга – экипаж машины боевой». Иногда так надоест, что даже приходилось его останавливать. Слушаю, слушаю, слушаю, потом тихонько говорю: «Ав-ав!» Иван Савельевич, как и я, сразу же реагирует на любой возглас. Ничего удивительного в этом нет. Мы же с ним одно целое. Как у людей говорится? Не разлей вода. Вот так и мы. Скажет что-нибудь Иван Савельевич, я тут же: «Слушаю тебя, мой друг!» Ежели я что авкну, Иван Савельевич тоже спрашивает у меня: «Что случилось, Трисон?»

А ничего. Песня твоя просто надоела. Хоть бы сменил пластинку. Спел бы, к примеру, о берёзе (иногда поёт, но редко) или «Катюшу». На крайний случай мог бы и про белых медведей спеть, которые трутся о земную ось. Старик рассказывал, что эта песня из картины... Кстати, он почему-то кино называл всегда картиной. Не фильмом, не кино, а именно картиной. Так вот, иногда он пел песню из картины «Кавказская пленница». «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся спиной медведи о земную о-о-ось...» Ну и так далее. Замечательная песня. Но пел он её редко. В основном заливался своими танкистами. Я раньше думал: чего он заладил – танкисты да танкисты. Всё-таки очень сложно нам, собакам, когда не можешь спросить. Иногда так бы взял и спросил прямо. Но он, почуяв моё любопытство, сам рассказал как-то на прогулке.

Оказалось, он в армии служил танкистом. И, между прочим, командиром танка. Вот так-то! После его рассказа об армии я стал терпимее относиться к его любимой песне. Думаю, пусть вспоминает молодость, своих друзей, всё старику будет полегче.

Мне вот интересно: если бы в школе нас учили разговаривать, смог бы я хотя бы с десяток слов выучить? Мне больше и не надо. Я бы и с десятью прекрасно управлялся. А зачем мне больше? Долго думал на эту тему и пришёл к выводу. Было бы просто замечательно, если бы нас в школе научили произносить вот такие слова:

1. Гулять.
2. Стой.
3. Иди.
4. Надоело.
5. Помогите.
6. Еда.
7. Холодно.
8. Жарко.
9. Спать.
10. Простите.

Мне кажется, даже человек может обойтись этими словами. Ну ладно, ручаться за всех не стану, но мне бы, будь я человеком, хватило бы за глаза. Не знаю, почему инструкторы никак не додумаются научить нас. Я же много не прошу. Но никто нас не учит. И даже не пытается.

Вы попробуйте, вдруг получится. Я и сам уже пробовал, но увя. И губы сверну в трубочку, язык чуть ли не в узел завяжу, клацаю зубами, но ничего не выходит. Хочу сказать слово, а получается или «Ав», или «У-у». Всё. Чертовщина какая-то. Верите, так обидно.

У Савельевича одно время жил попугай. Он его приобрёл ещё до меня. Когда я перебрался жить к старику в квартиру, перво-наперво меня поразило то, что этот убогий микроорёл знал, наверное, сотню человеческих слов. Он мог безостановочно болтать полчаса подряд. Я серьёзно вам говорю. И такие знал слова, что я их отродясь даже в своём питомнике не слышал. Помню, в первый же день этот проходимец (имя у него препротивное было – Керя) сразил меня наповал. Приходим с Иваном Савельевичем с прогулки, а этот карлик заявляет: «Керя кушать хочет!» Ничего себе, думаю, ну и дела. Каков наглец! Если ему в клетку горсть зерна не забросишь, так и будет трещать, пока со своего насеста не свалится: «Керя кушать хочет! Керя кушать хочет! Керя кушать хочет!» Право слово, попугай.

Однажды вечером мы смотрели телевизор, вернее я смотрел, а Савельевич слушал. Но он всегда говорил мне: «Пошли, Трисон, телевизор посмотрим», – во множественном числе. Сидим спокойно, слушаем-смотрим, эта придурковатая птица как раскудахталась, как начала нам свои трели выводить, мы со стариком чуть с ума не сошли. Тут самое интересное началось, а этот соловей-разбойник кудахчет и кудахчет. Иван Савельевич не выдержал, взял и укрыл клетку полотенцем. Подействовало. Видимо, испугался Керюха. Подумал, наверное, что тёмную устроили, а дальше может быть и хуже. Перестал, гад, кукарекать.

Но я всё равно его не любил. Потому что, даже когда он молчал, проблем от него не убавлялось. Это не птица, а какая-то свинья. Всё вокруг в шелухе, в перьях. Как затрепещет своими крыльями, квартира в один миг превращалась в курятник. К Ивану Савельевичу два-три раза в неделю приходила старушка, Марья Петровна: готовила поесть, стирала, убиралась по дому. Так вот она тоже его ругала. Говорила: «Керя, как тебе не стыдно. Ну что же ты снова наделал?» А ему хоть бы хны. Он своё: «Попка дурак, попка дурак!» Я так понимаю, это он про себя так говорил. Кстати, денег Марья Петровна за свою работу никогда не брала. Иван Савельевич даже обижался. Говорил ей как-то:

– Марья Петровна, дорогая, ну ради Христа, прошу тебя, не ставь меня в неловкое положение, хоть немного возьми денег. Купи себе подарок, что ли. Ну что ж ты работаешь, работаешь, и всё бесплатно.

А старушка смеялась и отвечала:

– На том свете, Ваня, сочтёмся.

– Да стыдно же, Мариша, – говорил старик. – Пойми меня правильно.

– А ты не стыдись, – продолжала Марья Петровна, – я это не для тебя делаю, а для себя.

Неловко мне сознаваться, но я, грешным делом, после таких слов стал к ней внимательнее приглядываться. Как это «для себя»? Думаю, может, стащить чего хочет? Ходит, принимает. Нам ещё в школе объясняли, что слепых часто обворовывают. То бишь делают вид, что помогают, а сами то награды украдут, то пенсию подчистят, то картину со стены снимут, то книгу редкую упрут. Наверное, думают: зачем слепому картины или книги? Так что мы за подозрительными людьми тоже должны следить.

Но со временем я понял, что Марья Петровна не из тех людей, кто может обидеть несчастного человека. По телевизору шла передача, и я узнал, что на свете есть такие люди, которые помогают инвалидам совершенно бескорыстно. Они это делают не ради денег, не для больного и даже не для себя вовсе. Они, оказывается, богу помогают. Да-да, так и говорят: хочешь помочь богу, помоги несчастному, больному или обездоленному. Вот какие люди есть! Если бы меня научили в школе, сказал бы я Марье Петровне слово номер десять – «Прости». Прости меня, милая старушка, что мне в мою собачью голову пришла такая дурацкая мысль.

Так Марья Петровна до самой смерти Ивана Савельевича к нам и приходила. А на праздники или дни рождения они пропускали по стопочке, а то и по две. Потом сядут, обнимутся и

поют весь вечер. Марья Петровна такие песни задушевные пела, любо-дорого было послушать, не то что эти танкисты. Особенно мне нравилась «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет!». Попоют-попоют, потом сидят вместе плачут. Наверное, чувствовал Иван Савельевич, что скоро умрёт. Он мне так и говорил: «Скоро, Трисон, отдохнёшь от меня, мой час приближается». Чудак-человек, да я и не уставал никогда. Знал бы ты, Савельевич, как я первое время тосковал по тебе, не говорил бы таких глупостей...

Глава 6

Иван Савельевич частенько любил повторять одну неперевариваемую моими собачьими мозгами поговорку:

– От сумы и тюрьмы, Трисон, никогда не зарекайся.

Нет, с тюрьмой более-менее ясно. Чем мой вольер от камеры отличался? А вот что за сума, я никак не мог сообразить. Но пришлось. В конце концов познакомился я и с ней.

Беда случилась – украли меня. Но давайте по порядку. Собрались мы в пятницу сходить в супермаркет. Пошли втроём – я, Сашка и Елизавета Максимовна. Не знаю, что это Шурику в голову взбрело: идти в этот проклятый магазин. Но упёрся с утра, хоть тресни. Прямо умоляет:

– Бабушка, миленькая, пожалуйста, возьми нас с Тришкой в супермаркет. Я просто похожу по залу, вспомню, как мы там с ребятами гуляли. Игрушки потрогаю, баночки всякие, возьми, бабуль...

Нашёл, где гулять. Иван Савельевич эти супермаркеты стороной обходил. Да и что хорошего там? Одни полки, прилавки, витрины, народу как селёдки в бочке. Правда, есть один приятный уголок (мы всё-таки пару раз заходили), там всякие собачьи лакомства лежат. И большие пакеты, и маленькие, и в банках, и в кулках. Витамины всякие. Ошейники висят, цепочки, но это для лентяев, конечно, типа того неуклюжего бульдожика, что со мной и Марго хотел познакомиться. Нам такие цепи и даром не нужны. У нас своя амуниция, специальная – мощная и добротная.

В общем, как я понял, Сашка решил свою зрячую жизнь вспомнить. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А тут ещё вдобавок и слепое. Как откажешь? На входе в магазин перед нами вырос красномордый охранник, чем-то похожий на аптекаршу, которая махала (помните?) несуществующей инструкцией. Охранник такой же твердолобый оказался.

– Извините, – сказал, – с собакой нельзя!

– Это поводыр, – пояснила Елизавета Максимовна. – С этой собакой можно.

– Ничего не знаю, – набычился охранник, – поводыр, не поводыр, с собакой нельзя.

– Да что ж это такое! – возмутилась наша бабулька. – Закон, что ли, для вас не писан?

– Мне ваши законы не нужны, – ответил охранник, – у меня есть инструкция от руководства. Всё.

Я вот не пойму. Люди, вы без инструкций вообще жить не можете?

– Миленький. – Елизавета Максимовна, видимо, пыталась разжалобить этого тяжелоатлета. – Да пойми же ты. Мальчик ничего не видит. Собака – это его глаза. Понимаешь?

Эх, Елизавета Максимовна, внимательно посмотри на эту рожу. Разве он что-то может понять?

– Мать, – сказал охранник, – ты хочешь, чтобы меня с работы уволили?

– Не хочу, милый, но...

– Всё, – охранник выставил вперёд ладонь, – не уговаривайте. Вон столбик, привяжите свои глаза к нему, а я присмотрю.

Сам-то хоть понял, что сказал, дубина? Свои глаза привяжи. Это ж надо такое ляпнуть. «Привяжите свои глаза». Ни сесть ни встать.

– Как вам не стыдно! – вспылила Елизавета Максимовна.

– А вы кем мальчику доводитеесь? – пропустив мимо ушей возглас отчаяния, спросил охранник.

– Это мой внук, – гордо ответила старушка.

– Ну так сами и проводите пацана. Чего вы меня тут стыдите?

Бабушка, поняв, что говорить дальше бесполезно, подвела нас с Сашкой к этому треклятому столбику и стала привязывать меня.

– Прости, Триша, прости нас, родненький. Ну ты видишь, что творится...

Да я и не обижаюсь, бабуля, всё понимаю. Идите вы уже в свой магазин да возвращайтесь поскорее, а то я тут на солнце в курочку гриль превращусь.

Смотритель нашёлся. Как только Елизавета Максимовна с Шуриком исчезли в пасти этого супермаркета, охранник тут же куда-то пропал. Сижу, жмущуюсь на солнышке. Припекает. И тут, взвизгнув тормозами, напротив меня останавливается синяя «пятёрка». Из неё выходят два бугая и приближаются ко мне. Один, озираясь по сторонам, говорит другому:

– Братан, ты знаешь, сколько такая собака стоит?

Негодяй, думаю я, такие собаки не продаются.

– А что это у неё за красный крест? – спрашивает второй и показывает пальцем на мою эмблему.

– Так это же поводирь, для слепых, учёная собака, – отвечает первый. – Прикинь, скока на ней бабла можно рубануть? Ну-ка, открывай багажник.

Второй рванул к машине, а первый вынул нож, перерезал мой поводок и схватил меня в охапку. Я и охнуть не успел, как над моей головой захлопнулась крышка багажника. Сволочи! Что же вы делаете? Там же Сашка мой остался. Люди вы или крысы помойные? «Пятёрка» рыкнула и рванула с места. Не знаю, куда меня везут, только чувствую, что не по асфальту едем. Эх, ну почему меня не учили в школе защищаться? Схватить бы тебя, ворюга несчастный, за горло, был бы тебе и багажник, и бабло. Только нам запрещено людей кусать. Понимаете? Гавкнуть можно, а укусить нельзя. Лежу, вою от досады. Пару раз гавкнул, а что толку-то. Под ухом колонка: бум-бум-бум! Даже музыка у них какая-то идиотская.

Через полчаса остановились. Я прислушался. Слышу обрывки фраз: ДПС, сержант, удостоверение... Ага, думаю, попались голубчики! Я давай во всё горло гавкать. Слышу, говорит этот сержант:

– У вас там что, собака в багажнике? А ну-ка откройте.

Спасение, думаю. Наконец-то!

– Командир, да я её в ветеринарку возил, приболела что-то.

Во врёт, сволочь.

– Ну её к бесам, ещё выскочит, будем потом ловить.

– Приоткрой, я взгляну, – требует милиционер².

Вор приоткрыл, инспектор смотрит на меня через щёлочку, я скулю, гавкаю, брыкаюсь, пытаюсь привстать, головой в крышку упёрся. Присмотрись, товарищ милиционер, у меня поводок обрезан, присмотрись: шлейка есть, эмблема. Ну, посмотри внимательно! Это же ворюги! Воры! Эх, как бы я сейчас крикнул слово номер пять – «Помогите»!!! Но тут мой «гроб» снова захлопнулся.

– А зачем вы её в багажник засунули? – спрашивает сержант.

– Ну а куда её? – смеётся ворюга. – Нагадит ещё, весь салон провоняет.

Скотина ты безмозглая, да я полсуток выдерживаю без выгула. Нас и этому в школе учат.

– А-а-а, – отвечает инспектор. – Ну ладно, счастливого пути.

Вот она – собачья жизнь. Небось человека в багажнике увидел бы, поднял бы на ноги всю милицию. А тут, дескать, какая-то собака лежит. Эх, люди-люди... Одни в магазин не пустили, другие похитили, третьи проворонили. Вторые, чего доброго, и пришибить могут. Нет, думаю, раз о деньгах заговорили, не прикончат. Уже хорошо. Куда же они меня везут?

Минут через двадцать остановились. Слышу, дверь какая-то скрипнула. Открывается багажник, и я вижу какой-то сарай. Эти сволочи подъехали так, что мне пришлось прямо туда и прыгать. Как только я оказался на земле, машина отъехала, а дверь тут же захлопнулась. Под потолком маленькое оконце. Лучик освещает противоположный угол. Вокруг какие-то

² До реформы в марте 2011 года в Российской Федерации полиция называлась милицией. – *Примеч. ред.*

бочки, вёдра, банки из-под краски, тряпье всякое. В общем, вольерчик не из приятных. Таких, наверное, и в японской тюрьме не сыщешь. Похитители стоят под дверью и беседуют. Они и не догадываются, что я всё понимаю.

– Куда её теперь? – спрашивает один.

– Нужно объявление дать, – говорит второй. – В газету. «Продаётся лабрадор, кобель, дрессированный, недорого». Сразу клюнут.

– А откуда ты знаешь, что он дрессированный?

– Ты чё, дурак, что ли? – рассмеялся бандит. – Это же поводыр. Они все команды понимают.

– Нужно, чтобы немного пожил здесь, на даче, пусть обвыкнется. Как ты его сейчас продавать будешь?

– Ну, пока объявление выйдет, прикормим.

Э-э, ребята, не знаете вы меня. Я своих подопечных до гробовой доски не забуду. Так что не питайте иллюзий. Ничего у вас не выйдет. Даже если продадите, всё равно убегу. А покупатель потом приедет и настучит вам «по кумполу», как говорил Иван Савельевич. Будет вам потом «бабло»...

– Слушай, так у нас же ни документов на неё нет, ни родословной, – говорит один.

– Так потому и напишем, что недорого, – отвечает второй. – Скажем, хозяин умер, так, мол, и так.

– Опасно! – говорит первый. – Её нужно в другом городе продавать, даже в другой области.

– Да не гони, – отвечает второй. – Какая другая область, пока продадим, больше бензина прокатаем. Всё будет пучком, не сомневайся...

Ушли мои супостаты.

Так, нужно обследовать эту вонючую конуру. Скоты, хоть бы воды оставили. Засунули в каземат, а о том, что мне вода нужна, не подумали. Да что вода, они даже шлейку не сняли. Сволочи! Миротворительный я пёс, доброжелательный и ласковый, но как же я ненавижу некоторых людей. Вы уж меня извините, пожалуйста. Хотя... разве это люди? Уверен, вы и сами их так не назовёте. Какие это люди? Шавки... обыкновенные бездушные шавки.

Глава 7

Итак, у меня появилась надежда. Вот как тут не вспомнить моего доброго старика. Надежда, говорил Иван Савельевич, умирает последней. Так что вперёд, потомок викингов и басков! Дело в том, что пол в этом «супермаркете» (ну, вы, надеюсь, понимаете, почему я назвал свою тюрьму таким отвратительным словом?) земляной. Если вдруг не знаете, скажу: лабрадор за ночь может вырыть яму метр в глубину. Причём просто от скуки. Но мне сейчас не до безделья. Нужно любыми путями вырваться из этого плена. Я за себя не ручаюсь! Если утром сюда пожалуют проходимцы, брошусь на них и буду сражаться, как леопард.

Но всё-таки для начала необходимо принять меры предосторожности. Так, что это у нас тут? Тряпья полно. Замечательно. Просто замечательно. Если почую, что враги близко, будет чем прикрыть подкоп. Стаскиваем всё сюда, в угол. Прекрасно. Это что такое? Понюхаем. О! Какое везение. А я чуть было снова Ивана Савельевича не вспомнил, который говорил: «Пришла беда, отворяй ворота». Крыша прохудилась в моей келье, и дождик накапал едва ли не полтаза воды. Живём! Был бы человеком, потёр руками. Вот как только пить эту мутную гадость? Фр-р! А куда денешься? Без воды никак нельзя. Вода – это жизнь и сила. С едой потерпим, а вот без воды можно и язык вывалить.

Вспомнил вдруг, как Сашка недавно мне читал стихи:

Сижу за решёткой
В темнице сырой...

Там, правда, про птицу какую-то было, но насчёт сырости и темноты Сашка попал в точку. Ну что? Приступаем?

Первый час я работал не покладая лап. Без отдыха, без остановок. Потом десять минут перерыва, десять лаканий природного коктейля, и снова за работу. Мои подлые «кинологи» куда-то пропали и в тот вечер так и не появились. Оно и к лучшему, не придётся негодяям в травмпункт бежать, хотя хотелось бы, конечно, их проучить. Рою-рою-рою, а сам того «смотрителя» из супермаркета вспоминаю: если бы не его упёртость, лежал бы я сейчас на мягком коврике да смотрел на своего мальчонку. «Я присмотрю за вашей собакой». Присмотрел, называется. И, поди, совесть не гложет каменное сердце. Охранник. Какой ты охранник? Надзиратель, вот ты кто...

Как там мои бедняги поживают? Наверное, все в слезах, особенно Шурка. Жалко парнишку. Мы уже привыкли, стали понимать друг друга. А тут такое несчастье. Не плачь, Санёк, не тужи. Всё равно я выберусь из этого подземелья.

Так, надо немного передохнуть. Отхожу в сторону, смотрю на свою археологию, действительно: уже походит на маленькое подземелье. Но ещё рыть да рыть. Не расслабляйся, лабрадор, ты должен до утра покинуть этот застенек. Подкрепились водичкой, и рыть-рыть-рыть.

За работой я даже не заметил, как в окошке под потолком появилась звезда, за ней другая, третья... Небо ясное, на улице тепло. Люблю я ночь. Ночью все собаки, даже поводыри, в основном отдыхают, нежатся на диванчиках, сны разглядывают. Вы удивляетесь? Я серьёзно вам говорю: нам тоже снятся сны. Да ещё какие! Насмотрюсь с Иваном Савельевичем картин (кинокартин, если забыли), потом всю ночь снится мне, что я, не обращая внимания на взрывы и свист пуль, несусь сквозь дымовую завесу по полю, подбегаю к раненому бойцу и тащу его к своим. Однажды приснилось, как будто я из-под снега лыжника спас. Все меня гладят, курочкой угощают, репортёры набежали, фотографируют, один даже микрофоном в нос тычет. А мне так неприятно стало, микрофон-то отвратительный – холодный и шершавый. Разозлился я, да как рывкну и... проснулся. Иван Савельевич мой чуть с кровати не свалился.

– Трисон, что случилось? – спросил. Я молчу. Он подозвал меня к себе: – Приснилось что-то?

Догадливый старик. Я скулинул пару раз, Иван Савельевич и говорит:

– Иди ко мне, мой дорогой, ложись рядом. Не бойся, дружок, сны всякие бывают. Мне тоже иногда такая дребедень приснится, хоть стой, хоть падай. Тоже иногда кричу во сне.

Ага, думаю, будешь ты мне рассказывать. А то я не знаю. «Иногда». Да я чуть ли не каждую ночь слушаю окончания твоих снов. Однажды как-то ночью как закричит: «Огонь!» Я вскакиваю, носом вожу по сторонам – думал, может, пожар начался, – принялся, вроде всё в порядке. Оказалось, Савельевичу армия снилась. Он мне рассказывал потом на прогулке. Говорит, представляешь, Трисон, я сегодня во сне на своём танке в учениях участвовал. Однополчан видел, командира батальона. Как живых. Все молодые, brave, подтянутые. У военных людей, судя по рассказам старика, как и у нас: учения всякие, команды, дрессировки, тесты, экзамены.

Фух. Нужно передохнуть. Если темп не сбавлю, через два-три часа буду на свободе. Правда, устал. Будь я без шлейки, работать было бы легче в разы. Но снять её самому мне не удалось. Что поделаешь, всё равно нужно трудиться до седьмого пота. Я хоть и породистая, тренированная собака, но ям давно уж не рыл. Нас в школе за них ругали. А так хотелось иногда порыть ямку, аж лапы чесались. Мы когда с Иваном Савельевичем на рыбалку ходили (да, я же обещал вам рассказать этот случай), я в лесу отыгрался. Такую ямищу вырыл, любо-дорого было посмотреть. Старик потрепал меня и говорит:

– Дурак ты, Трисон, делать тебе нечего, ямы роешь. Лучше бы побегал по лесу.

А то я не набегался. Целый день только и бегаю. Ну, не бегаю, так хожу. А вот ямку у нас в микрорайоне не пороешь. Сразу народ сбежится, начнут руками махать, мол, что это вы тут газоны портите? Впрочем, они правы. Нельзя там ямы рыть. Вдруг какой малой свалится. Правильно всё говорят.

Так вот. Приходим на рыбалку. Иван Савельевич раскладывает свой стульчик, нанизывает червя, да так ловко, если бы я не знал, что он слепой, и не догадался бы. Забрасывает удочку, а мне говорит:

– Смотри, Трисон, если поплавок задёргается, гавкни мне.

Сижу я пять минут, десять, пятнадцать, уже в глазах рябить стало, вдруг смотрю – поплавок запрыгал! Я и говорю: «Гав!» Савельевич дёргает удочку, проверяет – пустая. Недовольно бубнит на меня:

– Зачем ты так громко рявкаешь? Всю рыбу распугал.

Вот тебе раз, думаю, сам же сказал: гавкни. Если нужно потихонечку, то это называется «авкнуть». Выражайся правильно. Рыбак нашёлся. Обиделся я немного.

Но через полчаса мы помирились. У меня была царская трапеза. Старик таким окуньком меня угостил, вовек не забуду. Прямо растаял у меня во рту. Ой, вкуснятина какая. Что-то я о еде стал много думать. Нужно водичкой горло промочить. Выпил, полегчало. Обследовал яму. Ещё работы на часок. Лишь бы сил хватило. Не свалиться бы, не уснуть. А то утром придут захватчики, бейся тут с ними.

Рою-рою-рою... Смотрю, в окно медленно влетает белая птица. Красивая, просто ужас. Это ещё что за чудо, думаю. Птица на землю не спускается, сидит под потолком. Наверное, боится, чтобы я случайно ею не поужинал. Потом вдруг как заговорит человеческим голосом:

– О тибетский царь Трисон, я прилетела тебе на помощь.

– Кто ты? – вдруг и я заговорил по-человечьи. Ничего себе, думаю. Что же это случилось такое, что я вдруг разговаривать начал. Прямо волшебство какое-то.

А птица продолжает:

– Я прилетела к тебе из-за трёх морей, трёх гор, трёх лесов...

– Погоди-погоди, – перебил я. – Ты мне тут голову не морочь, я видел такой мультик. Да-да, забыл, как называется, но точно, ты же оттуда! Говори, что тебе нужно? Тебя, случаем, не воры подослали?

Зря так сказал. Обиделась птица и полетела обратно к окну.

– Стой, – говорю. – Ты куда? Объясни, зачем прилетала?

– Я с грубиянами не разговариваю, – отвечает птица-разведчик.

– Слово номер десять, – говорю.

Птица остановилась и замерла прямо в воздухе.

– Это ещё что за слово такое? – удивилась она.

– То есть прости, – отвечаю. – Просто я устал, наверное, вот и хамлю.

– Ладно, – говорит птица, – тогда помогу тебе.

– Как? – удивился я.

– А вот так, – отвечает птица и камнем прямо на меня. Да как клюнет в нос, я как подскочу. Открываю глаза. Никого нет, а в оконце уже рассвет пробирается.

Ёлки-палки! Всё-таки уснул. Ой, спасибо тебе птица! Мне тут работы ещё минут на двадцать. Вот видели? А вы не верили, что нам сны снятся. Если бы не сон, так бы и дрых тут до утра, пока торгаши меня не накрыли тёпленьким.

Рою-рою-рою... Ура!!! Есть просвет! Ну, ещё немного, чуточку. Давай, давай, Трисончик! Ну, поднажми ещё немного. Ах, если бы не дуга шлейки, я бы уже мог быть на свободе. Ещё чуть-чуть, и голова пролезет. Только ты не торопись, землекоп. А то ещё застрянешь, как Винни-Пух в кроличьей норе. Давай, Трисон. Вот ещё капельку. Ну! Всё, кажется. Стой, хлебни на дорожку. Ещё неизвестно, сколько бежать придётся.

Вылакал я остатки дождевой воды и в нору. Вот она – свобода! Какой воздух! Впереди забор. Но для меня это так, оградка. Перемахнул, и будь здоров. Вижу, впереди лесок. Вот для начала там и укроюсь. Отдохну, сил наберусь, а потом уже подумаем, что дальше...

Глава 8

«Ах, како-ой этот день изумительный, ах, какой изумительный де-ень!» Сквозь сон до меня донеслась незнакомая песня. Вскочил, огляделся, слышу: дети шумят неподалёку. Смеются, хохочут, визжат. Я встряхнул головой, чтобы окончательно проснуться, фыркнул пару раз и вдруг почуял нежнейший аромат жареного мяса. Верите, аж скулы свело. А тут ещё и горло пересохло. Вспомнил своего старика. Савельевич, когда у него внезапно заканчивались сигареты, а холодильник оказывался пустым, говорил: «Ну вот, Трисон, дожили – ни курить, ни хлебать». Слово «курить» я бы заменил на «жевать», а второе как раз в тему.

Жадно сглотнув слюну, я осторожно стал пробираться сквозь заросли. Детские голоса раздавались всё ближе и ближе. Я давно заметил: где веселятся дети, там людского зла намного меньше, хотя всяко бывало. Потому, соблюдая меры предосторожности, я тихонько подкрался к поляне. Аккуратно лапой отодвинул ветку и увидел два автомобиля. Дверь одного была открыта, из него-то и лилась «изумительная» мелодия. Вокруг машин носились дети, а метрах в десяти полный мужчина в бейсболке и шортах ловко орудовал шампурами с насаженными на них большими кусками мяса. Неожиданно из-за автомобилей вышло ещё трое человек: две женщины, одна постарше, другая помоложе, и с ними худой сутулый мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.